

УДК 930.1(430)

UDC 930.1(430)

**«БИЛЕФЕЛЬДСКАЯ ШКОЛА»
СОЦИАЛЬНОЙ ИСТОРИИ:
ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ
АСПЕКТЫ НАУЧНОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ****THE BIELEFELD SCHOOL
OF SOCIAL HISTORY:
THEORETICAL AND
METHODOLOGICAL ASPECTS
SCIENTIFIC ACTIVITY**

О. Г. Субботин,
*доктор исторических наук,
профессор кафедры всеобщей истории
и методики преподавания истории
Белорусского государственного
педагогического университета
имени Максима Танка*

O. Subbotin,
*Doctor of Historical Sciences,
Professor of the Department
of General History and Methods
of Teaching History, Belarusian
State Pedagogical University
named after Maxim Tank*

Поступила в редакцию 13.12.2024.

Received on 13.12.2024.

На 1970-е – начало 1980-х гг. пришлось становление и расцвет «билефельдской школы» социальной истории, символизирующей собой обновление исторической науки в ФРГ: отказ от прежней парадигмы с фиксацией на индивидуалистическом принципе и герменевтическом понимании смысла истории, внедрение новых методологических подходов, усиление теоретической базы исследований и расширение их перспективы. Все это содействовало критическому (пере)осмыслению истории Германии в русле ее авторитарного бремени и «особого пути». Благодаря усилиям школы социально-исторический аспект стал неотъемлемой частью содержания обобщающих трудов и учебной литературы. Импульс к развитию получила сравнительная история.

Ключевые слова: ФРГ, «билефельдская школа» социальной истории, структурная история, методология истории, Г.-У. Велер, Ю. Кокка, «культурный поворот», история повседневности.

The 1970s and early 1980s saw the formation and flourishing of the «Bielefeld school» of social history, symbolizing the renewal of historical science in the FRG: the rejection of the previous paradigm with its fixation on the individualistic principle and hermeneutic understanding of the meaning of history, the introduction of new methodological approaches, strengthening the theoretical basis of research and expanding its perspective. All this contributed to a critical (re)thinking of the history of Germany in the context of its authoritarian burden and «special path». Thanks to the efforts of the school, the socio-historical aspect became an integral part of the content of general works and educational literature. Comparative history received an impetus for development.

Keywords: Germany, social history, «Bielefeld school», structural history, methodology of history, H.-U. Wehler, J. Kocka, «cultural turn», the history of everyday life.

После Второй мировой войны на фоне критики классического историзма с его акцентом на событиях, личностях и их поступках в ФРГ обозначился научный интерес к историческим структурам и процессам. Как следствие, политическая история постепенно утрачивала ведущие позиции, а социальная сумела подняться до уровня отрасли знания. Да и в целом западногерманская историческая наука становилась все более аналитической и рефлексивной, открывалась социальным наукам. Ученые старались оперировать четкими понятиями, категориями, моделями, экспериментировали с компаративистикой [1, S. 23–24; 2, S. 13]. Ведомую роль в этом играло влияние зарубежных исторических школ, главным образом французской, британской, североамериканской и скандинавской, у представителей которых исследователи ФРГ черпали теоретико-методологические импульсы.

Символом обновления западногерманской исторической науки, находившейся в 1945 г. по словам Ю. Кокки, «в низшей точке своего развития ввиду опустошения, принесенного национал-социализмом и войной, а также дискриминации национальной идеи и неспособности сопротивляться варварству в общественной жизни», стала «билефельдская школа» социальной истории (далее – БШ) [1, S. 21]. Ее расцвет пришелся на 1970-е – начало 1980-х гг., а деятельность характеризовалась внедрением новых, нередко спорных, теоретико-методологических подходов к исследованию, а также широтой научного поиска и готовностью полемизировать на широком поле, что в совокупности обеспечило ей признание в стране и за рубежом.

Специфическая черта БШ – отчетливая ориентация влево носителей ее методологии по сравнению с «поколением учителей», оли-

цветворявших собой национал-консервативное направление исторической науки [3, S. 14, 18]. Это относится не только к работникам Билефельдского университета как важнейшего центра критической социальной истории в Федеративной Республике во второй половине XX в.¹ – Г.-У. Велеру, Ю. Кокке, Р. Козеллеку, Г.-Ю. Пуле, С. Полларду, но также их ученикам и последователям, связанным между собой опытом поколения, пережившего ужасы войны и лишения эмиграции, желанием (пере)осмыслить трагическую во всех отношениях эпоху национал-социализма и применить на практике накопленный мировой историографией опыт.

«Программу» БШ предвосхитила в некотором роде западногерманская структурная история, хоть и не имела крупных достижений в плане нарратива и методов [4, с. 41–43]. Попытки ориентации в ее русле, предпринимаемые после Второй мировой войны Г. Риттером, Т. Шидером, К.-Д. Брахером и др., затрудняла идеологическая конфронтация между Востоком и Западом. Кроме того, объективной оценке марксистской методологии после 1949 г. в отличие, скажем, от Франции или Великобритании, мешало наличие двух немецких государств. В таких условиях концепция социально-структурной истории Вернера Конце частично заполнила возникший вакуум. В начале 1950-х гг. историк призвал коллег переосмыслить опыт современной исторической науки в перспективе ее дальнейшего развития [5; 6]. Конце исходил из постулата о принципиальном «изменении форм истории с середины XIX в., обусловленных не эпосом и драмой действующих лиц или государств, статичным описанием и сухим повествованием [...], а надындивидуальными процессами, главным образом развитием экономики и технической цивилизации. Именно они (процессы. – Авт.) позволяли, по мнению немецкого ученого, говорить о наличии некоего всемирно-исторического единства, об изменении роли масс в истории, переставших с момента своей эмансипации быть лишь «фоном» исторических решений и действий [7, S. 175].

Вернер Конце предлагал по-новому толковать и комбинировать научные методы и термины, приспособляя их к структурной истории; ратовал за тесное сотрудничество историков с социологами, политологами и экономистами; критиковал узкую специализацию; настоятельно рекомендовал разрабатывать темы, преодолевающие разделение истории на политическую, социальную, экономическую, культурную, духовную и др.; настаивал

на широком применении типологизации наряду с идиографическим методом, на использовании в разумных пределах статистики. Такого рода синтез призвана была обеспечить структурная история (она же социальная история), которая, осмысливая структуры «в их непрерывности и трансформации», не теряла из вида политический компонент [7, S. 175–176].

Отдавая должное В. Конце, чей структурно-исторический подход учитывал накопленный Германией в XIX – первой половине XX в. академический опыт, следует отметить влияние ученого на формирование нового поколения исследователей, в частности, Г.-У. Велера, Г. Моммзена, В. Моммзена, В. Шидера и др., определявших развитие исторической науки ФРГ во второй половине XX в. [8, S. 16; 9, S. 8–9]. Посильное содействие социально-историческим исследованиям оказывала влиятельная группа Ганса Ротфельса, руководившего с 1958 г. Союзом немецких историков [4, с. 41–42].

***

В 1960–1970-е гг. историческая наука ФРГ стала обретать новое качество, отмеченное внутренней плюрализацией. Был расширен ее предмет, внедрялись новые исследовательские методы. Историки по-прежнему писали о политике и порождаемых ею изменениях, однако теперь в разрезе общественных и экономических процессов. Обыденным стал синтез социально-экономической и политической истории [3, S. 18–19]. Разумеется, многое сохранилось от парадигмы прошлых поколений, но в целом перемены были значительными. Молодое поколение желало изменить «не только содержание и методы исторической науки», но и в принципе учредить «новый научный стиль», основанный на частых дискуссиях, исследовать не застывшие структуры, а процессы в динамике [10, с. 150; 11, с. 69].

Именно на это время приходится становление БШ, вознамерившейся противопоставить пагубному влиянию поверхностной политизации академизм. Благоприятную почву для ее деятельности подготовили «реформистские университеты» Билефельда², Бохума, Констанца и Свободный университет Берлина, облик которых формировался с участием приглашенных специалистов, защитивших диссертации после 1945 г. В их стенах отсутствовало традиционное консервативное сопротивление новой «парадигме», вследствие чего могли развиваться разного рода критические идеи, ускорив таким образом смену поколений и обе-

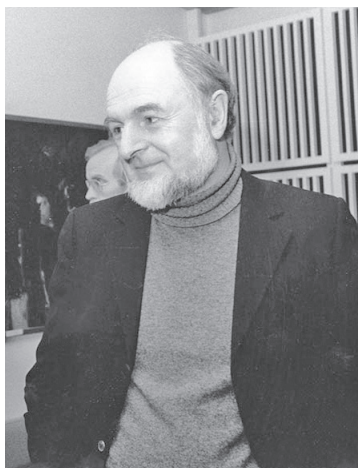
¹ Билефельдская школа оставалась вполне гомогенным научным сообществом на протяжении 1971–1990 гг.

² Лидеры школы получили профессию в университете Билефельда: Юрген Кокка возглавил кафедру социальной истории, Ганс-Ульрих Велер – кафедру всеобщей истории XIX–XX вв.

спечив обновление традиционных научно-исследовательских концепций и подходов, лишивших историю в прошлом прогностической функции.

В начале 1970-х гг. лидеры БШ Г.-У. Велер и Ю. Кокка призвали коллег по цеху сменить исследовательскую парадигму, понимая под этим не столько продвижение социальной истории, сколько акцент на критической, структурно-аналитической и политической социальной истории как всеобщей истории¹ [3, S. 23]. Ученые предпочитали говорить о «социальной истории», вобравшей в себя политику, экономику, а позднее и культуру, или об «исторической социальной науке», что обусловило их теоретико-методологическую ориентацию и близость к научным традициям немецких социологов, в частности М. Вебера, а также теоретическому наследию представителей неортодоксального марксизма с его идеей о роли экономического фактора в историческом процессе как первоосновы социальных процессов и политических интересов.

Несмотря на относительную малочисленность группы социальных историков в стране, они довольно быстро обрели научный вес и влияние. Во многом это объяснялось благоприятными институциональными рамками и подъемом высшего образования. И все же решающим фактором были инициативы и проекты БШ в русле «социально-политической и прогрессивно-критической ориентации», нередко идущей вразрез с мнением истеблишмента [13, s. 7; 4, с. 43].

Ганс-Ульрих Велер

Ганс-Ульрих Велер, ученик Теодора Шидера, воплощал собой здравую критику не только с позиции метода, но и в плане интерпретации

¹ Вплоть до 1970-х гг. западногерманское академическое сообщество воспринимало в своем большинстве социальную историю в русле «социалистической», то есть близкой по духу «Анналам», марксизму и социологизму, поэтому не принимало [12, S. 24–25].

исторических фактов. Он был ученым, любящим спор и оказавшим влияние на научный стиль многих немецких исследователей. Это касалось не только области знаний, которой занимался Велер, но и публичных дебатов. Оценивая его вклад в развитие немецкой исторической науки, Пауль Нольте отмечал: «...в первую очередь он дал понять, что история может иметь отношение ко всему, используя термин “общество”, хотя некоторые люди предпочитают называть это культурой или чем-то еще. По сути же все это является предметом исторической науки» [15].

Потрясения XIX – начала XX в. в Германии ученый рассматривал в русле авторитарного бремени страны, ее запоздалой парламентаризации, слабости либерализма, отсталости элит и их политической культуры. Это позволяло ему объяснять, почему мировой экономический кризис 1929–1933 гг. привел Веймарскую республику, в отличие от западных демократий, к краху и победе радикального фашизма. В данном контексте Г.-У. Велер говорил и об «особом немецком пути»², видя долг историка в политическом воспитании общества и содействии самопросвещению его граждан посредством критической и самокритичной науки [14].

Будучи ученым, педагогом, организатором и публицистом, он сумел реализовать, по общему признанию коллег, поразительно много. Решительно и страстно формулируя свои идеи, Велер неоднократно участвовал в публичных дискуссиях, выходящих за рамки его профессиональных интересов. Так, в сотрудничестве с философом и социологом Юргеном Хабермасом он внес неоспоримый вклад в «спор историков» конца 1980-х гг. о Холокосте и его роли в осмыслении прошлого Германии и формировании идентичности современных немцев, успешно противостоял попыткам релятивизировать и в отдельных случаях табуировать мрачные страницы немецкой истории. Вместе с тем Велер был готов принимать резкую критику в свой адрес и извлекать из нее уроки. Его открытость к полемике, несомненно, способствовала развитию той формы социальной истории, которую предлагала БШ [14].

С момента своего основания школа, как отмечалось выше, проявляла неподдельный интерес к предметно-ориентированным теориям, от которых ожидала взвешенной содержательной силы и рационально обоснованных аргументов, обеспечивающих сильные позиции в ходе историко-политических дебатов [3, S. 20]. Велер отрицал возможность толкования

² БШ трактовала период национал-социализма как кульминацию немецкого «особого пути», или «отложенный модерн».

многослойных комплексных явлений методами, категориями и понятиями лишь одной (какой-либо) социальной науки, настаивая на междисциплинарном социально-историческом подходе. Так, обращаясь к истории общества, ученый оперировал социологическими теориями социального изменения и социального конфликта, в меньшей степени системными аналитическими теориями, опирался на теории индустриального общества и теории модернизации¹ [10, с. 154; 2]. Причем феномен последней выдвигался им в ранг генеральной теоретической интерпретации исторической эпохи с момента Американской и Французской революций, заменив собой присущую историзму парадигму «прогресса». В теории модернизации «билефельдцы» видели инструмент для перехода от традиционной политической истории, сконцентрированной на «великих людях», к интегрированной и компаративной истории, оперирующей универсальной социальной структурой. Это, в свою очередь, позволяло обосновать наличие передовых и догоняющих стран, отклонения в их развитии, выявить национальные особенности и многое другое [16].

«Общество» для Г.-У. Велера – ключевая категория, структурно объединяющая различные исторические феномены, или оси, – экономическую, социальную, политическую, культурную, которые ученый исследовал как синтез. Именно они в процессе взаимодействия и взаимовлияния, при разной их ценности на отдельных этапах развития человечества, определяют его ход. Причем культурная ось позволяет ввести в безликую социальную историю людей с присущими им сознанием и миропониманием. В таком ключе история общества понималась как критическая рефлексия социальных, политических, экономических, социокультурных и духовных феноменов в интересах разумной организации будущего.

В общем и целом, БШ анонсировала амбициозную программу, намереваясь объяснить политическое через социальное. Характерной чертой ее деятельности стал акцент на теоретико-методологических аспектах и междисциплинарности. В отличие от довоенного поколения ученых, не желавших расставаться с традицией историзма, демонстрирующего, по словам Ю. Кокки, «все больше слепых зон», послевоенное зани-

малось поиском «по ту сторону историзма», выделяя социоструктурные явления и человека в историческом процессе, что неизменно содействовало критической рефлексии [1, S. 20]. Речь шла о выявлении на основе исторической компаративистики глубинных причин и условий структурного порядка, присущих немецкой нации, что наглядно продемонстрировал Г.-У. Велер в своем монументальном пятитомном труде энциклопедического характера по истории немецкого общества XVIII–XX вв., общим объемом почти 5000 страниц [17]. Разумеется, такого рода научный поиск с опорой на методы эмпирических социальных исследований предполагал выход на макроуровень.

***

Концептуальное влияние школы на историческую науку ФРГ было чрезвычайно велико. Вне всяких сомнений, «билефельдский проект» модифицировал традиционные теоретические и методологические принципы [11, с. 70]. Многие социально-теоретические проблемы, на которых заостряли внимание представители БШ, находили отклик в смежных гуманитарных науках, а это, в свою очередь, подогрело давнюю дискуссию о целесообразности теории исторического знания и стимулировало разработку «теории истории» в русле критического переосмысления прошлого, с помощью которой Йорн Рюзен пытался заложить основы новой «историчности» – *neue Historik* [18–20]. На отдельных исследовательских участках «билефельдцы» и вовсе сумели заполнить терминологический вакуум. Например, теория «организованного капитализма» потеснила (нео)марксистские теории ГМК и империализма, а их модель формирования социальных классов задавала вектор развития истории рабочего движения [1, S. 26]. Наконец, с подачи БШ социальная история выделилась в самостоятельную область научного знания в ФРГ и, по сути, «вросла» во всеобщую историю.

Свои идеи и проекты школа продвигала благодаря обширной сети академических связей ее представителей, участию в работе влиятельных научных институций, публикационной активности. В последнем случае она демонстрировала высокие стандарты, тиражируя собственные взгляды на страницах многочисленных изданий исторического и методологического профиля. Под редакцией Г.-У. Велера выходила серия «История» Новой научной библиотеки (*Neue wissenschaftliche Bibliothek*). Он же являлся инициатором издания трудов Л. фон Ранке, И. Г. Дройзена, Г. фон Трейчке, К. Маркса, М. Вебера, Э. Бернштейна, К. Каутского. С 1972 г. в рамках серии «Критические

¹ Среди условий, которым должны были соответствовать исторические теории, Г.-У. Велер называл: способность к синтезу и интеграции гетерогенных элементов; создание функциональных и причинных гипотез объяснения; максимум эмпирического содержания; обоснованность критериев периодизации; способность учитывать различные темпы развития исторических структур и процессов; возможность компаративного анализа; проверка на основе критериев эмпирической достоверности; практическая значимость в широком смысле этого слова и др. [10, с. 150].

исследования по истории» (Kritische Studien zur Geschichtswissenschaft) публиковались монографии и диссертации молодых ученых школы, а ежеквартальный журнал «История и общество» (Geschichte und Gesellschaft: Zeitschrift für Historische Sozialwissenschaft), основанный в 1975 г., зарекомендовал себя одним из авторитетнейших в своей области периодических изданий далеко за пределами страны. Благодаря усилиям «билефельдцев» социально-исторический аспект стал неотъемлемой частью обобщающих трудов и учебной литературы в ФРГ. Импульс к развитию получила сравнительная история¹, источниковую базу исследований дополнили мемуары и дневники [1, с. 26].

В середине 1980-х гг. на фоне угасающего влияния социально-экономических трактовок внимание молодых историков переключилось со структурного анализа на социокультурный. По существу, 1980-е гг. завершили «классический период» западногерманской социальной истории, отмеченный стремительным ростом ее субдисциплин. Теперь ученых привлекала внутренняя сторона жизни человека – его мысли, чувства, менталитет, образцы поведения, опыт, язык; их интересовало, как люди в прежние времена одевались, чем питались, как относились к рождению, болезни и смерти. «На первый взгляд, столь банальные вопросы, которыми историки долгое время не задавались, позволяли погрузиться в глубины повседневной жизнедеятельности», что открывало обширные неизученные пространства», – резюмирует Фолькер Уллрих [1, S. 28; 21, S.403]. Как результат, наряду с узкими темами появились новые центральные понятия (образ жизни, жизненный мир, свой – чужой и др.), да и в целом быстро росло число работ культурно-исторического профиля.

Речь шла о новом поколении историков, находившихся под влиянием культурного и лингвистического поворотов (Пауль Нольте, Томас Мергель, Томас Вельскопф, Штефан-Людвиг Хоффманн, Уте Фреверт и др.), о проникновении в историческую науку ФРГ идей постмодерна из Франции, Великобритании и США. Если в 1960–1970-е гг. историки извлекали выгоды от сотрудничества с экономистами, социологами и политологами, то теперь от связей с культурной антропологией и фольклором. Движение за «историю снизу» обогащало социальную историю и одновременно смещало исследовательский фокус «со сверхиндивиду-

листического на индивидуалистическое и структурного на интенциональное» [22, S. 21; 23]. Организационно оформились локальная история и устная история. Все большую популярность приобретала гендерно-историческая тематика. Важным разделом исторической науки стала категория памяти. Представители истории повседневности настаивали на изучении биографий и жизни «маленьких людей» в противовес «анонимной коллективности» в виде классов, сословий и т. д. [2, S. 136; 24, S. 37–38, 40]. Результатом их спора с социальными историками стало всеобщее убеждение, что опыт и интересы человека детерминированы не только классами или социальными группами, но также гендером и возрастными особенностями. По сути, речь шла о микроистории, позволяющей оттенять различные стороны жизни общества, взглянуть на него «как на организм, элементы которого взаимодействуют в сложной системе прямых и обратных связей» и, в конечном счете, призванной «изнутри», «снизу» противостоять академической социальной истории с ее якобы «холодным взглядом» и теоретической ориентацией [22, S. 22, 31–32; 25, с. 77–78, 81].

Заметный след в науке оставил «лингвистический поворот», известный как «языковая революция». Он сопровождался фундаментальным сдвигом в осмыслении роли языка в историческом познании, а именно того, в какой степени мир следует понимать и расшифровывать как текст, может ли историческая наука в принципе заниматься чем-либо иным, кроме текстов, например, «сложными знаками» в виде символов и ритуалов. Такое видение меняло не столько источники исследования, сколько взгляд на них, постановку вопросов, которыми интересовались и ученые, и общество.

В целом, теоретические дебаты о культуре стали продолжением дискуссий между приверженцами макро- и микроподходов к интерпретации событий прошлого, вследствие чего структурно-исторический анализ, предлагаемый БШ, все чаще подвергался критике в лице представителей нарративной истории, истории повседневности, исторической антропологии, «новой культурной истории» и исторической семантики. Ставился вопрос о соотношении анализа теоретических структур и нарратива. Оппоненты школы отвергали концепцию «особого пути» как ошибочную, отмечали узость теории «социального империализма», делали акцент на неоправданно слабом внимании «билефельдцев» к роли культуры, критиковали сведение политики к обществу, а индивидов к структурам и в отдельных случаях требования заменить базовую категорию

¹ Теоретические конструкции БШ предвосхитили компаративный анализ опыта зарубежных стран.

«общество» на «культуру» [22, S. 23; 11, с. 75]. Таким образом, то, что считалось сильной стороной социальной истории на протяжении десятилетий, в эпоху постмодерна обнаружилось как ее слабость. Рушилась умозрительная связь между модернизацией и цивилизацией [20, S. 140, 142–143].

Юрген Кокка

Парируя критику в адрес «билефельдцев», Юрген Кокка призывал не отождествлять школу исключительно с анализом структур и процессов, поскольку в ее задачи «входит также исследование социального – индивидуального и коллективного – действия и опыта, влияющих на исторические структуры... Речь идет о том, что связь между структурами и процессами, с одной стороны, и между действиями и опытом – с другой, следует понимать как исторически меняющееся отношение преломления и несовпадения, но вовсе не о том, чтобы эту связь оспаривать или оставлять без внимания» [7, с. 184–185]. Признавая наличие лакун в теоретико-методологическом подходе БШ¹, Ганс-Ульрих Велер указывал на слабую теоретическую подготовку специалистов новых историографических направлений, их умение предлагать интересные темы при неумении синтезировать [26, S. 10, 145–146].

Своих оппонентов социальные историки критиковали за склонность к субъективизму и индивидуализму, полагая, что мир нельзя раскрыть в полной мере «без учёта социальных структур и процессов, только как опыт, взаимосвязь переживаний, субъективных интерпретаций, дискурсов и действий» [27, S. 19]. В представлении БШ «опыт людей определенной эпохи невозможно реконструировать без

учета характерных для них образцов толкования культуры, равно как и с помощью чистой герменевтически-смысловой реконструкции опыта понять культуру до конца невозможно. Социальная история как история структур и процессов не растворяется в эмпирической истории, будучи шире ее. События обусловлены структурами, но не являются целиком производными от них, поэтому «структуры» не могут быть «рассказаны» как события и осознаны как опыт; они могут улавливаться в событиях и опыте в качестве их проявления только частично» [7, с. 181–184; 29]. На этом основании социальная история выступает и структурной, и эмпирической одновременно.

Подобно Г.-У. Велеру, Ю. Кокка критиковал предвзятое отношение историков повседневности к аналитическим терминам, структурам и процессам, однако не считал историческую науку «зоной боевых действий». Вместо конфронтации он налаживал мосты к истории повседневности, в которой видел долгожданное дополнение к социальной истории [28].

В целом, общереформистские импульсы 1960–1970-х гг. ускорили поворот исторической науки к теории и одновременно снизили концентрацию на частных проблемах, востребованных в 1980–1990-х гг. [2, S. 16]. Теперь историей интересовались не только, чтобы учиться на ошибках, но и как источником коллективной идентичности. С интересом изучались семья, быт, трудовые отношения, образование, церковь и многое другое. Это обогащало историческую науку, стимулировало открытие новых музеев, проведение археологических раскопок, консервацию и охрану объектов историко-культурного наследия, но вместе с тем вело к ее дроблению. «Нельзя, к счастью, сказать, – отмечал Юрген Кокка, – что сегодня историческая наука пренебрегает социальными структурами и процессами... Подходы, позиции, темы и результаты деятельности социальных историков оказались настолько убедительными и с качественной, и с количественной точек зрения, что их признали даже завзятые критики. Социальная история успешно проникла в своих противников» [30, р. 25–26]. Основываясь на таком видении, ученый предрек ренессанс социальной истории, правда, на этот раз с большим количеством культурных и языковых элементов.

***

При всех нюансах вполне закономерной критики в адрес «билефельдской школы» следует признать ее неоспоримый вклад в развитие немецкой исторической науки. Социальные историки акцентировали внимание главным образом на коллективных, долговре-

¹ В частности, малое внимание таким темам, как право, техника, война, международные отношения, а также недооценку культурных традиций, смысловых конструкций, мировоззрения, религии и ряда иных аспектов.

менных и вполне устойчивых к трансформации феноменах, исследовали области, раскрытие смысла которых требовало скорее объяснения, нежели герменевтического понимания. Такой подход был ориентирован на осмысление и истолкование исторического процесса

в его целостности. Не удивительно, что многие социально-теоретические проблемы, решаемые «билефельдцами» и связанные с поиском теорий, охватывающих исторические системы и жизненные миры, нашли живой отклик в смежных гуманитарных науках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Kocka, J. Sozialgeschichte gestern und heute / J. Kocka // Paradigmen deutscher Geschichtswissenschaft: Ringvorlesung an der Humboldt-Universität zu Berlin ; S. Kowalczuk (Hg.). – Berlin : Debatte, 1994. – S. 15–31.
2. Kocka, J. Theorien in der Sozial- und Gesellschaftsgeschichte : Vorschläge zur historischen Schichtungsanalyse / J. Kocka // Geschichte und Gesellschaft : Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. – 1975. – 1. Jg., H. 1. – S. 9–42.
3. Hitzer, B. Einleitung der Herausgeber: Die „Bielefelder Schule“ der westdeutschen Sozialgeschichte / B. Hitzer, Th. Welskopp // Die Bielefelder Sozialgeschichte : Klassische Texte zu einem geschichtswissenschaftlichen Programm und seinen Kontroversen. – 1. Aufl. ; B. Hitzer (Hg.), Th. Welskopp (Hg.). – Bielefeld : Transcript-Verl., 2010. – S. 13–32.
4. Субботин, О. Г. Социальная история в ФРГ: становление, развитие и «кризис» научной дисциплины (1950–1990-е гг.) / О. Г. Субботин // Беларускі гістарычны часопіс. – 2023. – № 9. – С. 39–49.
5. Conze W. Die Stellung der Sozialgeschichte in Forschung und Unterricht / W. Conze // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. – 1952. – Jg. 3. – S. 648–657.
6. Conze W. Die Strukturgeschichte des technisch-industriellen Zeitalters als Aufgabe für Forschung und Unterricht / W. Conze. – Köln [u.a.] : Westdt. Verl., 1957. – 43 S.
7. Кокка, Ю. Социальная история между структурной и эмпирической / Ю. Кокка // Thesis. – 1993. – Вып. 2. – С. 174–189.
8. Ziemann, B. Sozialgeschichte jenseits des Produktionsparadigmas. Überlegungen zu Geschichte und Perspektiven eines Forschungsfeldes / B. Ziemann [Electronic resource] // Ruhr Universität Bochum ; Forschungen und Forschungsberichte. – 2003. – Vol. 28. – URL: <https://moving-the-social.ub.rub.de/index.php/MTS/article/view/7882>. – Date of access: 28.11.2024.
9. Raphael, L. Einleitung: Von der Volksgeschichte zur Strukturgeschichte : Die Anfänge der westdeutschen Sozialgeschichte 1945–1968 / L. Raphael // Von der Volksgeschichte zur Strukturgeschichte : Die Anfänge der westdeutschen Sozialgeschichte 1945–1968 ; L. Raphael (Hg.). – Leipzig : Leipziger Univ.-Verl., 2002. – S. 7–11.
10. Патрушев, А. И. Х.-У. Велер и немецкая социально-научная история / А. И. Патрушев // Новая и новейшая история. – 2014. – № 3. – С. 149–159.
11. Турыгин, А. А. Билефельдская школа и проблема преемственности в немецкой историографии / А. А. Турыгин // Диалог со временем. – 2013. – Вып. 42. – С. 68–79.
12. Etzemüller, Th. Sozialgeschichte als politische Geschichte. Die Etablierung der Sozialgeschichte in der westdeutschen Geschichtswissenschaft / Th. Etzemüller // Von der Volksgeschichte zur Strukturgeschichte : Die Anfänge der westdeutschen Sozialgeschichte 1945–1968 ; L. Raphael (Hg.). – Leipzig : Leipziger Univ.-Verl., 2002. – S. 8–33.
13. Nathaus, K. Sozialgeschichte und Historische Sozialwissenschaft [Electronic resource] / K. Nathaus // Docupedia-Zeitgeschichte. – URL: https://zeitgeschichte-digital.de/doks/frontdoor/deliver/index/docId/268/file/docupedia_nathaus_sozialgeschichte_v1_de_2012.pdf (date of access: 28.11.2024).

REFERENCES

1. Kocka, J. Sozialgeschichte gestern und heute / J. Kocka // Paradigmen deutscher Geschichtswissenschaft: Ringvorlesung an der Humboldt-Universität zu Berlin ; S. Kowalczuk (Hg.). – Berlin : Debatte, 1994. – S. 15–31.
2. Kocka, J. Theorien in der Sozial- und Gesellschaftsgeschichte : Vorschläge zur historischen Schichtungsanalyse / J. Kocka // Geschichte und Gesellschaft : Zeitschrift für historische Sozialwissenschaft. – 1975. – 1. Jg., H. 1. – S. 9–42.
3. Hitzer, B. Einleitung der Herausgeber: Die „Bielefelder Schule“ der westdeutschen Sozialgeschichte / B. Hitzer, Th. Welskopp // Die Bielefelder Sozialgeschichte : Klassische Texte zu einem geschichtswissenschaftlichen Programm und seinen Kontroversen. – 1. Aufl. ; B. Hitzer (Hg.), Th. Welskopp (Hg.). – Bielefeld : Transcript-Verl., 2010. – S. 13–32.
4. Subbotin, O. G. Social'naya istoriya v FRG: stanovlenie, razvitie i «krisis» nauchnoj discipliny (1950–1990-e gg.) / O. G. Subbotin // Belaruski gistorychny chasopis. – 2023. – № 9. – S. 39–49.
5. Conze W. Die Stellung der Sozialgeschichte in Forschung und Unterricht / W. Conze // Geschichte in Wissenschaft und Unterricht. – 1952. – Jg. 3. – S. 648–657.
6. Conze W. Die Strukturgeschichte des technisch-industriellen Zeitalters als Aufgabe für Forschung und Unterricht / W. Conze. – Köln [u.a.] : Westdt. Verl., 1957. – 43 S.
7. Kocka, Yu. Social'naya istoriya mezhdru strukturnoj i empiricheskoj / Yu. Kocka // Thesis. – 1993. – Vyp. 2. – S. 174–189.
8. Ziemann, B. Sozialgeschichte jenseits des Produktionsparadigmas. Überlegungen zu Geschichte und Perspektiven eines Forschungsfeldes / B. Ziemann [Electronic resource] // Ruhr Universität Bochum ; Forschungen und Forschungsberichte. – 2003. – Vol. 28. – URL: <https://moving-the-social.ub.rub.de/index.php/MTS/article/view/7882>. – Date of access: 28.11.2024.
9. Raphael, L. Einleitung: Von der Volksgeschichte zur Strukturgeschichte : Die Anfänge der westdeutschen Sozialgeschichte 1945–1968 / L. Raphael // Von der Volksgeschichte zur Strukturgeschichte : Die Anfänge der westdeutschen Sozialgeschichte 1945–1968 ; L. Raphael (Hg.). – Leipzig : Leipziger Univ.-Verl., 2002. – S. 7–11.
10. Patrushev, A. I. H.-U. Veler i nemeckaya social'no-nauchnaya istoriya / A. I. Patrushev // Novaya i novejschaya istoriya. – 2014. – № 3. – S. 149–159.
11. Turygin, A. A. Bilefel'dskaya shkola i problema preemstvennosti v nemeckoj istoriografii / A. A. Turygin // Dialog so vremenem. – 2013. – Vyp. 42. – S. 68–79.
12. Etzemüller, Th. Sozialgeschichte als politische Geschichte. Die Etablierung der Sozialgeschichte in der westdeutschen Geschichtswissenschaft / Th. Etzemüller // Von der Volksgeschichte zur Strukturgeschichte : Die Anfänge der westdeutschen Sozialgeschichte 1945–1968 ; L. Raphael (Hg.). – Leipzig : Leipziger Univ.-Verl., 2002. – S. 8–33.
13. Nathaus, K. Sozialgeschichte und Historische Sozialwissenschaft [Electronic resource] / K. Nathaus // Docupedia-Zeitgeschichte. – URL: https://zeitgeschichte-digital.de/doks/frontdoor/deliver/index/docId/268/file/docupedia_nathaus_sozialgeschichte_v1_de_2012.pdf (date of access: 28.11.2024).

14. Kocka, J. Nachruf auf Hans-Ulrich Wehler : Erkenntnis und Engagement / J. Kocka [Electronic resource] // Tagesspiegel, vom 07.07.2014. – URL: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/erkenntnis-und-engagement-3572281.html>. – Date of access: 28.11.2024.
15. "Mensch von ungeheurer Liberalität und Großzügigkeit". Paul Nolte im Gespräch mit Antje Allroggen, 07.07.2014 [Electronic resource] // Deutschlandfunk. – URL: <https://www.deutschlandfunk.de/zum-tod-von-hans-ulrich-wehler-mensch-von-ungeheurer-100.html> (date of access: 28.11.2024)
16. Wehler, H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte / H.-U. Wehler. – Göttingen : Kleine Vandenhoeck-Reihe, 1975. – 85 S.
17. Wehler, H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte : 5 Bde. / H.-U. Wehler. – München : C. H. Beck, 1987–2008.
18. Rüsen, J. Für eine erneuerte Historik : Studien zur Theorie der Geschichtswissenschaft / J. Rüsen. – Stuttgart [u.a.] : Friedrich Frommann, 1976. – 251 S.
19. Koselleck, R. Über die Theoriebedürftigkeit der Geschichtswissenschaft / R. Koselleck // Theorieprobleme der Geschichtswissenschaft und Praxis des Geschichtsunterrichts; W. Conze (Hg.). – Stuttgart : Klett, 1972. – S. 10–28.
20. Lorenz, Ch. Wozu noch Theorie der Geschichte? Über das ambivalente Verhältnis zwischen Gesellschaftsgeschichte und Modernisierungstheorie // Wozu Geschichte(n)? : Geschichtswissenschaft und Geschichtsphilosophie im Widerstreit ; V. Depkat, M. Müller, A. Urs Sommer (Hg.). – Stuttgart : Franz Steiner, 2004. – S. 117–143.
21. Ullrich V. Entdeckungsreise in den historischen Alltag. Versuch einer Annäherung an die «neue Geschichtsbewegung» / V. Ullrich // Geschichte in Gesellschaft und Unterricht. – 1985. – Jg.36. – S.403–414.
22. Kocka, J. Sozialgeschichte in Deutschland seit 1945 : Aufstieg, Krise, Perspektiven / J. Kocka. – Bonn : Friedrich-Ebert-Stiftung, 2002. – 37 S.
23. Engel, Ch. „Alltagsgeschichte“ und „Geschichte von unten“ : Sinnstiftung und deutsche Geschichtswissenschaft / Ch. Engel // Cahiers de Fontenay. – 1991. – Nr. 61–62. – S. 35–54.
24. Lutz, R. Geschichtswissenschaft im Zeitalter der Extreme: Theorien, Methoden, Tendenzen von 1900 bis zur Gegenwart / R. Lutz. – 2., durchgesehene Auflage. – München : C.H.Beck, 2010. – 293 S.
25. Репина, Л. П. Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия (Обзор) / Л. П. Репина // XX век : Методологические проблемы исторического познания : сб. обзоров и реф. : в 2. ч. / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; [Редкол.: А. Л. Ястребицкая (отв. ред.) и др.]. – М. : ИНИОН РАН, 2001. – С. 72–103.
26. Wehler, H.-U. Die Herausforderung der Kulturgeschichte / H.-U. Wehler. – München : Achims Verl., 1998. – 160 S.
27. Ritter, G. A. Die neuere Sozialgeschichte in der Bundesrepublik Deutschland / G. A. Ritter // Sozialgeschichte im internationalen Überblick. Ergebnisse und Tendenzen der Forschung ; J. Kocka (Hg.). – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1989. – S.19–88.
28. Hochmuth, H. Public History als Talkshow. Die Debatte um die Alltagsgeschichte im Fernsehen (1984) // Zeitgeschichte Online. – URL: <https://zeitgeschichte-online.de/geschichtskultur/public-history-als-talkshow> (date of access: 26.11.2024).
29. Koselleck R. Darstellung, Ereignis und Struktur / R. Koselleck // Geschichte Heute. Positionen, Tendenzen und Probleme; G. Schulz (Hg.). – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1973. – S. 307–317.
30. Kocka, J. Losses, Gains and Opportunities: Social History Today / J. Kocka // Journal of Social History. – 2003. – Vol. 37, No. 1. – P. 21–28.
14. Kocka, J. Nachruf auf Hans-Ulrich Wehler : Erkenntnis und Engagement / J. Kocka [Electronic resource] // Tagesspiegel, vom 07.07.2014. – URL: <https://www.tagesspiegel.de/kultur/erkenntnis-und-engagement-3572281.html>. – Date of access: 28.11.2024.
15. "Mensch von ungeheurer Liberalität und Großzügigkeit". Paul Nolte im Gespräch mit Antje Allroggen, 07.07.2014 [Electronic resource] // Deutschlandfunk. – URL: <https://www.deutschlandfunk.de/zum-tod-von-hans-ulrich-wehler-mensch-von-ungeheurer-100.html> (date of access: 28.11.2024)
16. Wehler, H.-U. Modernisierungstheorie und Geschichte / H.-U. Wehler. – Göttingen : Kleine Vandenhoeck-Reihe, 1975. – 85 S.
17. Wehler, H.-U. Deutsche Gesellschaftsgeschichte : 5 Bde. / H.-U. Wehler. – München : C. H. Beck, 1987–2008.
18. Rüsen, J. Für eine erneuerte Historik : Studien zur Theorie der Geschichtswissenschaft / J. Rüsen. – Stuttgart [u.a.] : Friedrich Frommann, 1976. – 251 S.
19. Koselleck, R. Über die Theoriebedürftigkeit der Geschichtswissenschaft / R. Koselleck // Theorieprobleme der Geschichtswissenschaft und Praxis des Geschichtsunterrichts; W. Conze (Hg.). – Stuttgart : Klett, 1972. – S. 10–28.
20. Lorenz, Ch. Wozu noch Theorie der Geschichte? Über das ambivalente Verhältnis zwischen Gesellschaftsgeschichte und Modernisierungstheorie // Wozu Geschichte(n)? : Geschichtswissenschaft und Geschichtsphilosophie im Widerstreit ; V. Depkat, M. Müller, A. Urs Sommer (Hg.). – Stuttgart : Franz Steiner, 2004. – S. 117–143.
21. Ullrich V. Entdeckungsreise in den historischen Alltag. Versuch einer Annäherung an die «neue Geschichtsbewegung» / V. Ullrich // Geschichte in Gesellschaft und Unterricht. – 1985. – Jg.36. – S.403–414.
22. Kocka, J. Sozialgeschichte in Deutschland seit 1945 : Aufstieg, Krise, Perspektiven / J. Kocka. – Bonn : Friedrich-Ebert-Stiftung, 2002. – 37 S.
23. Engel, Ch. „Alltagsgeschichte“ und „Geschichte von unten“ : Sinnstiftung und deutsche Geschichtswissenschaft / Ch. Engel // Cahiers de Fontenay. – 1991. – Nr. 61–62. – S. 35–54.
24. Lutz, R. Geschichtswissenschaft im Zeitalter der Extreme: Theorien, Methoden, Tendenzen von 1900 bis zur Gegenwart / R. Lutz. – 2., durchgesehene Auflage. – München : C.H.Beck, 2010. – 293 S.
25. Репина, Л. П. Парадигмы социальной истории в исторической науке XX столетия (Обзор) / Л. П. Репина // XX век : Методологические проблемы исторического познания : сб. обзоров и реф. : в 2. ч. / Рос. акад. наук. Ин-т науч. информ. по обществ. наукам ; [Редкол.: А. Л. Ястребицкая (отв. ред.) и др.]. – М. : ИНИОН РАН, 2001. – С. 72–103.
26. Wehler, H.-U. Die Herausforderung der Kulturgeschichte / H.-U. Wehler. – München : Achims Verl., 1998. – 160 S.
27. Ritter, G. A. Die neuere Sozialgeschichte in der Bundesrepublik Deutschland / G. A. Ritter // Sozialgeschichte im internationalen Überblick. Ergebnisse und Tendenzen der Forschung ; J. Kocka (Hg.). – Darmstadt : Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 1989. – S.19–88.
28. Hochmuth, H. Public History als Talkshow. Die Debatte um die Alltagsgeschichte im Fernsehen (1984) // Zeitgeschichte Online. – URL: <https://zeitgeschichte-online.de/geschichtskultur/public-history-als-talkshow> (date of access: 26.11.2024).
29. Koselleck R. Darstellung, Ereignis und Struktur / R. Koselleck // Geschichte Heute. Positionen, Tendenzen und Probleme; G. Schulz (Hg.). – Göttingen : Vandenhoeck und Ruprecht, 1973. – S. 307–317.
30. Kocka, J. Losses, Gains and Opportunities: Social History Today / J. Kocka // Journal of Social History. – 2003. – Vol. 37, No. 1. – P. 21–28.